

Республика Казахстан: Чагатай vs Джучи

Введение

С середины ноября прошлого 2001 года, то есть с момента начала громких политических событий, предваривших празднование 10-летней годовщины независимости Республики Казахстан, исподволь назревавший до той поры кризис власти принял характер открытого и практически непримиримого противостояния различных сил в рамках истеблишмента. Теперь, по прошествии целого почти года, изначальные надежды общества на разрядку обстановки в среде назарбаевской правящей верхушки становятся все более и более призрачными. Впереди ничего, кроме государственного эволюционного тупика, не предвидится. Ни правовых, ни политических механизмов регулирования подобного рода конфликтов в стране еще не сформировано. Почему – это другой вопрос.

Следовательно, сделавшийся неразрешимым конфликт в правящей среде уже принимает форму кризиса государственности. Режим Н.Назарбаева не настолько силен, чтобы подавить сопротивление выступающих против него сил. А оппозиция (старая и новая) пока еще не настолько консолидирована и дееспособна, чтобы решительным образом вынудить президента РК считаться с собой и своими требованиями. В таких условиях какая-то из сторон рано или поздно должна была бы пойти на уступки ради продолжения государственности и сохранения общественного мира. То есть – ради высших интересов. Но этого не произошло за долгие месяцы противостояния.

Оппозиция не идет на это по нескольким серьезным причинам. Во-первых, до сих пор уступки приходилось делать только ей. Режим Н.Назарбаева же этого никак не оценил. И ничего в своей внутренней и внешней политике не изменил. Иными словами, режим Н.Назарбаева не захотел эволюционировать навстречу оппозиционным политическим ожиданиям. Во-вторых, именно из-за этого возник раскол в самом высшем административном корпусе, благодаря чему вышедшая из его состава новая оппозиция пополнила ряды существовавшей с прежних времен оппозиции. Приток новых влиятельных сил в лице бывших авторитетнейших руководящих кадров команды Н.Назарбаева и принадлежащих их командам деятелей на порядок усилил возможности оппозиционной властям стороны и, соответственно, серьезно ослабил администрацию действующего президента Казахстана. Одним словом, расстановка сил на политической арене страны претерпела серьезные изменения. В этих условиях логично было ожидать, что на уступки пойдет правящая власть, а не те, кто оппонировал ей.

Но режим Н.Назарбаева вместо смягчения своей позиции и выдвижения примиренческих предложений пошел на резкое ужесточение давления на противостоящие ей силы. Его нынешний девиз: «Или мы, или никто». Тем самым лишний раз дал понять, что высшие интересы государства и общества для него не столь уж важны. Возникает закономерный вопрос: тогда что это за власть?! История отмечает такой факт. Когда в 1815 году Наполеон бежал с острова на Средиземном море, куда его сослали державы-победители, и высадился на юге Франции, чтобы вторично взойти на престол, какая-то узнавшая его простолюдинка воскликнула: «Да здравствует император!» В ответ на это Бонапарт заметил: «Небось, еще вчера вы кричали «Да здравствует король!»». Простолюдинка, не растерявшись, дала следующее пояснение: «Ваше величество, ведь и в том, и другом случае мы ведь, прежде всего, имеем в виду Францию». Это и есть соображение высшего государственного порядка.

В недавнем советском прошлом все простые люди говорили так: «Лишь бы не было войны». А в этом заключается высший общественный интерес. И то, и другое, как мы видим, обычно бывает понятным даже самым простым людям. Названные высшие интересы – продолжение государственности и сохранение общественного мира – это то, через что нельзя перешагивать любому нормальному гражданину. А политикам, особенно тем из них, кто находится у руля власти и облечен огромной ответственностью, - тем более!

Итак, команда Н.Назарбаева в условиях стремительного таяния своих общественно-политических ресурсов налегает на административно-репрессивные ресурсы и пытается на одиннадцатом году

государственной независимости Казахстана встать наконец-то на путь авторитаризма по примеру режимов И.Каримова и С.Ниязова. Но то, что изначально было возможным в Узбекистане и Туркменистане, выглядело маловероятным в Казахстане 10-летней давности в силу его исторических, географических и демографических особенностей. А сейчас это просто невозможно. Казахстан – это уже не та страна, что попала в руки нынешних ее властителей в начале 90-х г.г. прошлого века. Поэтому чем дальше режим Н.Назарбаева пойдет по пути абсолютизации исполнительной власти, тем меньше понимания со стороны общественности, независимых и оппозиционных политических сил он будет иметь. То есть это – движение к политическому тупику в условиях жесточайшего политического кризиса. Движение, которое в конечном итоге направлено на подрыв государственности и общественного мира. Николай II, когда в феврале 1917 года осознал такого рода реальность, отказался от престола, предпочтя конец 300-летнему правлению династии Романовых в России подрыву российской государственности и общественного мира. В России, Украине, Молдове, Белоруссии, а также республиках Прибалтики те политики, у которых в руках оказалась власть в момент распада СССР, уступили ее впоследствии, не дожидаясь нарастания кризиса до такого критической отметки. И вовсе не потому, что она им была не столь дорога. Просто всем известна истина, которая гласит так: «Политика – это искусство возможного». Когда это возможное исчерпывается, надо идти на уступки или вовсе уходить. В Казахстане режим Н.Назарбаева перешел эту критическую черту, но не только не желает уступать хоть в чем-то, а даже стремиться еще больше утвердить свое положение. Поэтому на кону уже продолжение государственности и сохранность общественного мира. То, что действующая власть откровенно пренебрегает этими понятиями, наводит на некоторые далеко идущие выводы касательно ее поведенческих стереотипов. О чем же идет речь?

Не секрет, что власть в Казахстане распределяется по жузовским правящим кланам. За послевоенные десятилетия сложилась такая практика, при которой верховодили старшежузовцы, а среднежузовцы и младшежузовцы были вынуждены удовлетворяться второстепенными ролями. И это несмотря на то, что на протяжении всех прошлых столетий среднежузовцы являлись корневым улусом казахской государственности, а младшежузовцы – самым многочисленным улусом. Московский державный центр в советское время в силу своих понятий регулировал баланс участия представителей трех жузов во власти Казахстана. Но в определенный момент на высших в республике должностях оказались выходцы из Южного Казахстана. И на протяжении последующих десятилетий старшежузовский клан только укреплял свои позиции в правящей среде Казахстана. Особенно явственно эта политика, направленная на обеспечение максимальной концентрации административных и материальных ресурсов в руках южно-казахстанцев, проявляла себя за последние 10 лет правления Н.Назарбаева. В общественном сознании населения северного и западного региона страны сформировалось стойкое неприятие (фобия в отношении) южан как таковых. Однако названная политика не только не сворачивается или хотя бы камуфлируется, но даже принимает все более откровенные и произвольные формы.

Здесь следует сказать, что все изложенное в предыдущем абзаце для общественного мнения Казахстана хорошо известно. Но мало кто обращает внимание на то, что деяния режима Н.Назарбаева в русле названной политики давно уже вышли за рамки того, под чем мы понимаем простую жузовщину и трайбализм. Все гораздо серьезней. Есть множество фактов, которые указывают на то, что общая линия, проводимая группировкой Н.Назарбаева, находящейся у власти нынешнего Казахстана, должна рассматриваться как аномальная. По-другому ее можно квалифицировать как деструктивную или даже разрушительную для государства и общества. Все дело в том, что названная группировка явно чурается тех традиций государственности, которые берут начало с эпохи создания Казахского ханства и выдержали испытание временем. Такой вывод проистекает из той очевидности, что она не только перешла ту грань, которая отделяет нормы так называемого «внутриказахского политиканства» на жузовской основе от откровенного подрыва духовных основ казахского единства, но и взяла уже курс на утверждение таких идеологем, которые носят подрывной характер для традиционного казахского сознания. Другими словами, она показывает, что традиции казахской государственности чужды и даже враждебны ей. А раз это так, мы должны вести речь уже об узурпации государственной власти в Казахстане. Раскрытию корней и сути такой мировоззренческой позиции посвящен предлагаемый ниже материал.

Чем дальше движение по пути независимости, тем сильнее жузовщина и трайбализм.

Сейчас как в оппозиционных кругах внутри страны, так и на Западе в целом принято считать, что в Казахстане набирает силу очередная виток восхождения авторитаризма и этнократии. Для тех, кто не особенно вникает в специфику казахского социума и, особенно, его элитных группировок, подобного рода вывод, видимо, представляется более чем оправданным. Но если мы безусловно примем его на веру, для нас останется непонятным другое: почему в таком случае одновременно идут в рост родоплеменные и жузовские тенденции, подстегивающие усиление центробежных процессов в казахском обществе?! Ведь все более и более крепнущая авторитарная власть, опирающаяся на этнократию, напротив, должна обуславливать центростремительную социальную динамику. У нас же все происходит наоборот. Чем больше реальных полномочий и прав сосредотачивает в своих руках верховная власть, тем сильнее проявляется жузовщина и трайбализм. Определенно, что-то тут не так. Одно из двух: или власть, несмотря на все свои притязания, не столь уж авторитарна, или же ее авторитарность не зиждется на широкой этнократической базе. При более детальном рассмотрении становится очевидным следующее. Власть действительно стремится, набирая себе как можно больше полномочий и прав, установить незыблемый авторитарный режим, но при этом она в качестве своей опорной базы выделяет не широкие общекзахские этнократические, а куда более узкие трайбалократические слои. Конечно, такой выбор, по понятным причинам, не афишируется. Другими словами, она пытается (и пока безуспешно) наполнить реальным великодержавно-шовинистическим содержанием то, что отражено в казахских устных преданиях, согласно которым у тех, кто сейчас у нас в стране олицетворяет ее собою, предок старше (атасы улкен), и поэтому они, мол, называются великожузовцами (старшежузовцы) и хозяевами в Казахстане. Правда, в том же самом народном фольклоре есть и другое – поговорка, которая гласит, что старшежузовцев лучше всего отправить пасти скот, тогда как среднежузовцев сподручней использовать в качестве защитников на судах, а младшежузовцев – как воинов. Но о ней в нынешнем Казахстане мало у кого язык повернется вспоминать вслух. Лыстецы и подхалимы всюду и везде доказывают: Великий жуз, мол, потому и назван так, что ему принадлежит прерогатива в управлении всеми казахами. С точки зрения исторической объективности, это более чем спорный постулат. Но правящим кругам он очень удобен. Поэтому его мораль исподволь вбивается в головы простых казахов.

То, что произошло и продолжает происходить во властных кругах казахского общества все последние десятилетия, - это, по сути дела, следствие коллизии мировоззрения таких двух групп – южан (то есть Старшего жуза) и всех остальных (Среднего и Младшего жуза) - коренного населения страны, которые, составляя единый этнос, имеют разный исторический опыт. Именно из-за различия исторического опыта их элитам не удается найти общего языка. Эти две группы населения практически вплоть до новейших времен, то есть до вхождения в состав Российской империи, а потом советской державы никогда не состояли в одном и том же государстве. Более того, расхождение их путей восходит корнями в столь древние времена, что уместней было бы, наверное, говорить об их изначальной принадлежности разным, во многом антагонистичным мирам. Конечно, официальная история и устные народные предания (шежире) говорят о том, что у них при определенных весьма непродолжительных исторических отрезках бывали общие правители. Но не получалось ли при таких случаях так, что эти самые общие ханы для одних были своими собственными, а для других – навязывающими свой сюзеренитет чужаками?!

Республика Казахстан – правопреемник государства джучидов из династии Урус-хана

Чтобы внести ясность в этот вопрос, обратим внимание на такое обстоятельство. Как известно, чингизиды, то есть потомки Чингис-хана, у казахов являлись представителями правящей династии и продолжали составлять замкнутую сословную организацию вплоть до начала XX века. Другими словами, их право властвовать над казахским народом никем не оспаривалось до новейших времен. Но Казахское ханство возникло и существовало как владение не просто всех чингизидов, а совершенно определенной их ветви. Оно было и оставалось на протяжении всего времени своего существования таким же долевым правопреемником Золотой Орды, каким уже в новейшей истории после распада Советского Союза на территории Казахской ССР стала Республика Казахстан. С 1470-71 г.г. до ликвидации ханской власти в XIX веке в казахских степях одни потомки джучида Урус-хана

сменяли других. То есть другие чингизиды, к примеру, те же чагатаиды, часть улуса которых также приходится на территорию современного Казахстана, даже и не пытались захватывать власть в Казахском ханстве. Потому что те земли и те роды с племенами, на основе которых оно было создано изначально, и определили его незыблемую принадлежность дому джучидов на веки вечные, и правление иных чингизидов все равно никогда не обрело бы легитимности в глазах народа. Зато их право на власть в казахских степях вполне закономерно оспаривалось другими джучидами – потомками Шибана. Но безуспешно.

Казахское ханство изначально было создано на основе родов и племен, составивших впоследствии Средний жуз. Его укрупнение в дальнейшем за счет тех, чьих потомков мы сейчас знаем как западных казахов или представителей Младшего жуза, тоже не могло повлечь за собой легитимного характера эксцессов. Потому что и те, и другие были переданы в свое время в улус Джучи и позднее входили в состав Золотой Орды. Другими словами, в этом виде и составе Казахское ханство вполне совпадало с прежним восточным Дешт-и Кыпчаком как по территории, так и по основному родоплеменному составу. А вот те роды и племена, которые составили Старший жуз, с их территорией расселения составили основу другого чингизова улуса – Чагатайского. То есть ими, если они продолжали жить по завету Чингис-хана, легитимные правители Казахского ханства должны были восприниматься как чужаки. Сейчас, конечно, кое-кто может, выражая недоумение, воскликнуть: какое, мол, значение имеет деление на улусы Джучи и Чагатая после стольких веков в современном Казахстане?! Ответы будут такие. Во-первых, как единодушно признают все исторические данные и шежиры (устные народные предания), казахский народ вплоть до начала XX века признавал исключительное право чингизидов властвовать над собой. Даже после ликвидации Российской империей ханской формы правления в Казахстане чингизиды продолжали составлять самый высокопоставленный элитный слой казахского общества. Советская власть официально упразднила все их традиционные социальные привилегии. Но и спустя почти 100 лет после этого народ не только помнит чингизидов, но и все так же готов в неформальной сфере отдавать им должное. Кстати, такого нет уже давно ни в одной стране мира, включая саму Монголию - как внутреннюю, так и внешнюю. Эта традиция, 8 столетий доказывавшая свою живучесть и жизнестойкость, можно не сомневаться, еще всех нас переживет. Потому что Казахстан как страна и народ состоялся именно как осколок джучиева улуса, а не как-то иначе. И этот фактор - идеологический ориентир, ведущий его сквозь века и проводящий его в сохранности через такое множество испытаний. Ничто другое не обосновывает столь крепко и глубоко право казахов на свою государственную самостоятельность. Именно поэтому казахи, при всей их природной склонности к раздробленности и историческом неприятии централизованной власти, так долго сохраняли верность чингизовым потомкам, а не вывели из своей среды новые правящие династии. Они вместе со всем комплексом связанных с ними традиций и есть стержень казахской государственности.

Во-вторых, в казахском обществе, олицетворяющем собой продолжателя традиций улуса Джучи, есть свои стержневые представления о том, как там должна строиться жизнь. Они могли входить в противоречия с мировоззрением тех, кто многие века находился в системе несколько иных общественно-государственных традиций. И входили. Причем многократно. И сейчас входят. Именно в этом кроется сущность кажущихся парадоксальными трений во властных коридорах нынешнего Казахстана, которые на наших глазах вырастают в полномасштабный конфликт с непредсказуемым исходом. Не раскрыв ее, нельзя понять природу разных стереотипов поведения, демонстрируемых представителями южан с одной стороны и остальных регионов – с другой.

Казахское ханство возникло в середине XV века. Это время распада Золотой Орды и формирования отдельных народностей, говорящих по-тюркски и исповедующих ислам. Он характеризуется историками так: часть родов и племен западной части Джучиева улуса сформировала основу крымских татар, еще какие-то родоплеменные группы вошли в состав башкир, казанских татар и тюркских народов Северного Кавказа. Кочевые роды и племена восточной части Джучиева улуса составили ядро казахского и ногайского народа. В структурном смысле это – Казахское ханство начального периода и Ногайская орда, которые соответственно адекватны Среднему и Младшему жузу. А где же те, кто должен ассоциироваться со Старшим жузом? Они тогда продолжали оставаться в составе владений чагатаидов, то есть в Чагатайском улусе. И до поры до времени у них идеи воссоединения с казахами и в мыслях не было. Ногайцы или, как их было принято называть на этой стороне Едилы (Волги), мангыты то вливались в состав казахского ханства, то отделялись от

него. Но в том, чтобы быть с казахами, возглавляемыми выходцами из дома джучида Урус-хана, для них явно ничего зазорного не было.

Другое дело – те роды и племена, которые потом составили Старший жуз. Им было предписано, вместе с населением Восточного Туркестана (современного китайского Синьцзяна) и Мавераннахра (среднеазиатского междуречья Амударьи и Сырдарьи), пребывание в составе улуса Чагатая. Сейчас можно, конечно, воспринимать то предписание как исторический анахронизм. Но, как свидетельствуют исторические факты, с XIII до начала XX века население южной части Казахстана и, особенно, его элита при всех этнотерриториальных переделах выражали неизменное тяготение к вхождению в чагатайскую общественно-государственную систему. Чагатайский мир был еще более, чем Джучиев мир, устойчивым явлением. У него сложились свой язык, свое письмо и своя культура. И это вполне естественно, что составлявшие его этнические и родоплеменные группы тянулись друг к другу. По сути, этот мир являл собой некую реконструкцию существовавшей 2 с лишним столетия до прихода монголов державы хорезмшахов. А главное он унаследовал модель последней, которая заключалась в комбинации оседлого и кочевого населения. Вожди тюрко-монгольских родоплеменных групп там получали от правителей в управление (кормление) города и вилайеты с земледельческим населением, а взамен обеспечивали последних дееспособной воинской силой. Особая надежда на них возлагалась при отражении атак со стороны степных кочевников, не вовлеченных еще в культурную сферу оседлого населения. При тимуридах чагатайскому миру в качестве кочевников, сохраняющих верность своему естественному призванию, угрожали кочевые узбеки. Позже это были казахи и мангыты (ногайцы), а еще позже – джунгары и калмыки. А пояс защиты возникавших в сфере Чагатайского улуса государственных образований от опасности со стороны степи представляли роды и племена, ассоциирующиеся сейчас со Старшим жузом.

Этот антагонизм сохранял силу на протяжении столетий. Но почему одни кочевые племена оказались согласны служить поясом защиты земледельческих областей Мавераннахра, Семиречья и Восточного Туркестана от подобных им же, казалось бы, кочевников? Дело, видимо, в том, что стержневой основой тех родоплеменных групп, которые оказались переданы Чагатайскому улусу, составили такие племена, которые существовали еще с сакско-скифских времен, - уйсунь (усунь) и канглы (кангюи).

С.Г.Кляшторный, являющийся одним из наиболее авторитетных специалистов по истории Казахстана, утверждает так: в первые века н.э. непосредственными продолжателями сакских традиций были усунь в Семиречье и царство Канг (Кангюи) в присырдарьинских оазисах и западной части Семиречья. Сами саки, по утверждению этого же историка, были преемниками ариев или так называемых «андроновцев» в Великой степи. А эти андроновцы, по утверждению выдающегося историка В.П.Алексеева, были людьми классического европеоидного типа. То есть почти ничего общего в расовом отношении с нынешними казахами не имели. Но нынешние старшежузовские уйсунь и канглы, хотя они нынче уже имеют сильное внешнее сходство с монголами, обитают именно там, где 2 тысячелетия назад жили европеоидные усунь и канги (кангюи), - соответственно в Семиречье и присырдарьинских оазисах, а также в западном Семиречье. Вместе с дулатами (дуглатами) они составляют костяк Старшего жуза. Более того, этноним Уйсунь (Усунь) является синонимом названия «Улы Жуз» («Старший жуз»). В.В.Востров и М.С.Муканов утверждают, что с самого начала в Старшем жузе доминировала уйсунская племенная конфедерация, хотя состоит он из десяти разных племен и родов. Но, согласно им же, большинство этих родоплеменных групп являются насельниками Семиречья с древнейших времен («Родоплеменной состав и расселение казахов», А-А., 1978 г.). А автохтонным населением этого региона в стародавнюю эпоху были европеоидные иранские народности. Видимо, коренные насельники, смешиваясь с накатывавшими волнами с Востока тюрко-монголами и влившимися в более поздние времена в состав Старшего жуза монгольскими племенами на протяжении веков, постепенно утратили европеоидный облик, но при этом сохранили антагонистическое неприятие ко всему тюрко-монгольскому, столь свойственное тем народам Центральной Азии, которые сохранили верность своему арийскому происхождению. Такая линия духовного размежевания южно-казахстанских племен и родов с сугубо кочевыми и чисто тюрко-монгольскими родоплеменными группами, которые, будучи не связаны с древнейшим автохтонным населением региона ни по названию, ни по территории изначального расселения, ни по крови, появились и закрепились на широкой степной полосе севернее Семиречья и среднеазиатских оазисов лишь в средние века, как бы естественным образом совпала, в общем и целом, с границами разделения Чагатайского и Джучиева улуса.

И эта незримая духовная граница, похоже, до сих пор не утратила своего разделительного значения. Так повелось еще со времен первых чингизидов. Уже сам Чагатай не являлся самостоятельным государем своего улуса. Реальным правителем культурных областей был мусульманин Махмуд Ялавач. Уже при нем в Центральной Азии была, видимо, заложена та система отношений между южными земледельческими областями, стремившимися проявлять себя как наследник подвергшейся исламизации арийско-иранской культуры, и северными степными областями, являвшимися зоной распространения алтайско-дальневосточной культуры. И позже при живых законных ханах оседлыми областями улуса Чагатай правили так называемые мусульмане. Уже в 1269 году на берегу Таласа состоялся курултай, на котором царевицы и кочевая знать не только объявили о создании полностью независимого от великого монгольского хана государства, но приняли на себя обязательство жить не только в степи, но и в городах. То есть уже тогда элита чагатайского улуса отступила от Ясы Чингиз-хана, завещавшего твердо сохранять кочевой быт и степные традиции. А Кебек-хан, царствовавший в первой четверти XIV века, повел свой улус по пути подчинения традиции мусульманской культуры и государственности. Как бы то ни было, в чагатайском улусе уже в XIV веке неприятие ко всему тому, что из себя представляли сохранявшие свою изначальную оригинальность тюрко-монгольские племена, получило широкое распространение и сделалось устойчивым. С этого времени тотальное истребление степняков, сохраняющих верность кочевому быту и степным традициям, стало навязчивой идеей для очарованных иранско-таджикской культурой ханов, правивших в пределах улуса Чагатай. И это при том, что до начала XIX века основная их военная сила состояла из кочевников же. Это поразительно, но факт. И едва ли такая идея могла появиться и так долго сохранять свою живучесть в изначальной и неподдельно кочевой среде.

В Среднем и Младшем жузе до XX века жили по законам Чингиз-хана и почитали джучидов как свою элиту

У Чингиз-хана в Ясы (законы и приказания) сказано: «Если у детей множества государей, которые явятся после этого (его), вельможи, богатыри и беки, находящиеся у них, не будут крепко соблюдать Ясы, то дело государства потрясется и прервется. Опять будут охотно искать Чингиз-хана и не найдут». В истории с практически мгновенным переподчинением Чагатайского улуса традиции мусульманской культуры и государственности в нарушение заветов Чингиз-хана самое примечательное – это то, что сам Чагатай еще при жизни своего отца слыл лучшим знатоком Ясы и высшим авторитетом во всех вопросах, связанных с монгольскими законами и обычаями, самым рьяным блюстителем их соблюдения. Одна из статей Ясы гласит: «Он предписал наблюдать за исполнением Ясы сыну своему Чагатай-беку Чингиз-хану».

Так что его преемники-чагатаиды должны были унаследовать не только его трон в улусе, но и обязательство главных в монголосфере блюстителей требований Ясы, главным из которых является сохранение кочевого быта и степных традиций. А они, поддавшись очарованию иранско-таджикской культуры, первыми из наследников Чингиз-хана предали собственные духовные ценности и приняли на себя обязательство истребителей врагов оседлых и культурных областей Центральной Азии. А фактически они истребляли тех, кто остался, следуя Ясы, верен кочевому быту и степным традициям. Конечно, глупо думать, что все дело тут лишь в культурных предпочтениях, которые ради выживания или достижения благополучия можно было бы с легкостью поменять. И религия тут ни при чем. По сути дела, речь с давних пор шла о беспощадном и непримиримом противостоянии миров, совершенно разных по культуре, традициям, расе и многим другим показателям. Тут, видно, вернее будет сказать о столкновении космосов, которое продолжается по сей день...

Выше мы говорили о настрое чагатайских правителей на тотальное истребление степняков и сокрушение их образа жизни. Такая идея им внушалась самой атмосферой давно устоявшегося ирано-таджикского общественного сознания, в которой они находились. Тогда, когда прямые и метисизированные потомки древних арийских народов региона не имели достаточных сил для объявления открытой истребительной кампании представителям ненавистной им тюрко-монгольской расы, они старались перетянуть одну их часть на свою сторону и выставить ее против остальных частей. Но если они оказывались хозяевами положения, в ход пускалась совершенно открытая тотально-уничтожительная тактика. Тому есть множество примеров даже в новейшей истории. В ходе

гражданской войны в Таджикистане таджикские экстремисты уничтожали своих сограждан-кыргызов по одному лишь расовому признаку. А в Афганистане талибы, считавшие себя самыми последовательными мусульманами, в регионе обитания монголоидных афганских хазар вели себя, как мясники на бойне. Ничего подобного они не делали с таджиками, белуджами, узбеками или туркменами. Хазар не спасло то, что они тоже ирано-язычные и мусульмане. Их, зачастую безоружных и безропотных, сотнями и тысячами вырезали талибанские интербригады из всех народностей со всего Среднего Востока, прежней ираносферы...

В позднее средневековье так же поступало с населением Казахского ханства воинство правителей из пределов улуса Чагатай. Вначале там главными были четыре тюрко-монгольских рода: барлас, джалаир, арлат и каучин. К середине XIV века Чагатайская держава распалась на два государства: западное и восточное. На западе, в Мавераннахре власть перешла в руки тюрко-монгольских беков, и в конце концов там Аксак Тимур, эмир из рода барлас, заложил основы своей династии. Всю свою жизнь он носился по Великой степи и громил кочевников. Именно он переломил хребет кочевому могуществу. В этих походах он опирался на войска, состоящие главным образом из кочевников же. В том числе такие, ныне входящие в Старший жуз племена, как джалаиры и канглы. От него осталась такая примечательная фраза: «У кочевых узбеков (а именно их государство являлось предшественником Казахского ханства) помыслы столь же узки, сколь узки их глаза». И это при том, что сам Тимур был монголоидного типа человеком. Он вполне мог пойти на физическое истребление узбеков, которых он рассматривал как главную опасность для державы, оставляемой им своим наследникам. Если бы это ему удалось, никакого Казахского ханства и Республики Казахстан не появилось бы в дальнейшем... Название Чагатайского государства осталось за его державой. На востоке, в Моголистане, впервые после прихода монголов реальная власть вновь перешла к одному из племен, издавна обитающих в здешних краях. Речь идет о племени дулат, которое и нынче в Республике Казахстан является самым могущественным и влиятельным. Тогда эмиры и беки из дулатов сами возводили на престол в Моголистане удобных им ханов-чингизидов. Нынче такие же сильные люди из шымкентских дулатов также реально решают судьбу множества самых высоких административных постов и самых хлебных мест в РК.

Преимущество традиции – это, наверное, неплохо. Но все дело в том, что, как свидетельствуют со ссылкой на письменные хроники того времени такие авторитеты, как В.Бартольд, войска правителей Моголистана и Мавераннахра в XVI веке несколько раз тотальным образом истребляли казаховили население Казахского ханства, которых тогда насчитывалось 1 млн. человек. То есть - осуществляли акты геноцида. И потом хронисты писали, что из этого числа живых никого не осталось. Но казахи восстанавливались, очевидно, за счет пополнения из других частей Великой степи. Все племена, названия которых мы сейчас находим в составе Старшего жуза, находились тогда по другую от казахов сторону, в войсках правителей Моголистана и Мавераннахра, и участвовали в тех истребительных походах. В своем труде «Тарих-и Рашиди» (1550-51 г.г.) моголистанский историк того времени Мирза Хайдар Дуглат родом из племени дулат, которым нынешние старшежузовцы очень гордятся, говорит о казахах много, но везде как о чужаках. Оно и понятно: конфедерация уйсунь-канглы-дулат, составляющая сейчас становой хребет Старшего жуза, тогда в течение почти 2-х с половиной столетий, с 1347-48 г.г. до примерно 1600-х г.г. играла такую же роль в Моголистане. Тот же Мирза Хайдар Дуглат писал, что дуглаты (дулаты) «господствовали на обширной территории в качестве князей, а иногда управляли всем государством как регенты и могли по своему желанию возводить на трон и низлагать принцев царствующей династии».

Старший жуз – это казахи Моголистана и Мавераннахра, бывших антагонистичными Казахскому ханству.

Отношение правителей Моголистана к казахам стало меняться тогда, когда им понадобилось защищать свои оседлые области от нашествия новых пришельцев с востока – монгольских племен. Предоставив им районы Западного Семиречья в Чуйской и Таласской долинах, они надеялись, что казахские кочевья окажутся надежным щитом от набегов ойратов. Но после смерти хана Таваккула (Таукел-хана) ойраты (1598 г.) стали вытеснять казахов из Семиречья. Еще раньше перестал существовать как самостоятельное государство Моголистан. С этих времен до середины XVIII века джунгары и калмыки оказывали мощнейшее давление как на Казахское ханство, так и на

среднеазиатские государства. Успешнее других с ними могли бороться казахи. Поэтому под их властью в этот период оказались многие города и оазисные зоны Южного Казахстана и Средней Азии. Из злейших врагов чагатайской сферы они превратились для нее в меньшее, чем калмыки и джунгары, зло. А посему там теперь пытались использовать их как защиту от новых пришельцев или как союзников в борьбе против последних. Тогда и, судя по всему, состоялся переход южных племен в состав казахов. В любом случае, первое упоминание об одном из жузов зафиксировано в документе от 1616 г – «Распросные речи в посольском приказе служилых людей Т.Петрова и Н.Куницына о поездке на Калмыцкую землю». В нем говорится о Большой орде казахов и киргизской орде, находящихся под властью калмыков. Это весьма примечательно, что первое письменное упоминание относится к Старшему жузу да еще в связи с его попаданием в зависимость от калмыков. С начала XVII века Казахская страна перестает состоять из улусов и делится уже на жузы. Видимо, под натиском джунгар-калмыков прежнее Казахское ханство утратило свою организационную целостность и было вынуждено преобразоваться в фактически свободное объединение трех разных племенных групп, обитавших в степях между Волгой и Иртышом бок о бок в течение нескольких веков. То, что при хане Тауке, который начал править с 1652 года, для управления тремя жузами «были избраны и подчинены ему три частных начальника» - в Улы жузе Толе-бий, в Орта жузе Казыбек-бий и в Киши жузе Айтеке-бий, - не являющиеся чингизидами, говорит больше о добровольном характере этого союза. Можно предположить, что он имел такую структуру и руководство именно потому, что такие разные по улусной принадлежности и прежнему общественно-государственному опыту группы племен – бывшие могулистанцы с чагайцами и собственно казахи с алшынами – не могли и не должны были согласиться состоять в едином государстве. Кстати, Толе-бий, как и множество других влиятельных исторических лиц из южных казахов, похоронен в Ташкенте. В 20-х г.г. XVIII века в казахских жузах вместо биев появились ханы-чингизиды. А сами эти жузы превратились в самостоятельные ханства. В 1731 году Младший жуз попросился под протекторат России. За ним последовал Средний жуз. Несколько позже вошел в состав России и Старший жуз.

Однако нельзя сказать, что на этом раскол казахов завершился. Старшежузовцы и в дальнейшем считались казахами, но при этом они вновь и вновь оказывались в таких государственных и региональных образованиях, которые относились к прежним чагатайским территориям. Можно, конечно, говорить, что такое происходило помимо их воли. Но с другой стороны, как бы то ни было, с конца XVIII века до середины 20-х г.г. XX века большая часть Старшего жуза и территориально, и административно управлялась из так называемых культурных областей Средней Азии. То есть после перерыва в XVII веке, когда южно-казахстанские племена и роды состояли в непосредственном союзе со Средним и Младшим жузом, все вернулось на круги своя. Ситуация времен Чагатайского улуса восстановилась. До 60-х г.г. XIX века южно-казахстанские племена входили в состав Кокандского ханства. Их вожди и родоплеменные авторитеты занимали там ответственные должности, управляли городами и округами. После того, как русскими был взят Шымкент и Ташкент, весь юг нынешнего Казахстана отошел в состав вновь созданного Туркестанского генерал-губернаторства, тогда как 4 области – Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская - на территории Среднего и Младшего жуза оказались под юрисдикцией Западно-Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторств. В 1891 году эти 4 области были объединены в единый Степной край. А южный Казахстан продолжал управляться из Ташкента. Эти 2 части Казахстана рассматривались как два совершенно разных региона и царской администрацией. Для управления ими она для каждой из них разработала отдельные законодательные базы – «Положение об управлении Туркестана» и «Степное положение». Другими словами, южно-казахстанские казахи не считались степняками. Степняками для россиян были казахи Среднего и Младшего жузов. Но носили они все уже единый этноним – казахи. Южные казахи управлялись из Средней Азии, а северные и западные – из России. Поскольку имперский произвол в отношении прав кочевых народов Центральной Азии был практически одинаково тяжким как в Степном крае, так и в Туркестане, складывалась благоприятная для консолидации одних казахов с другими казахами (да и не только с ними, но и также с иными тюркскими и мусульманскими народами России) ситуация.

В XX веке элита Среднего и Младшего жуза воссоздавала Казахское государство, а Старшего жуза – Туркестан

К началу XX века в казахской общественной мысли доминировали идеи консолидации на

общекзахской, на общетюркской и на общемусульманской основе. Лидеры казахов Среднего и Младшего жуза, находясь в Оренбурге, выступали общекзахскими объединителями. Лидеры южных казахов, соредоточившись в Ташкенте, больше склонялись к идее консолидации народов Туркестана на основе единства религии и исторической общности. По сути дела, это был подогнанный под условия современности проект возрождения чагатайской государственности в его исторических границах. 2 группы казахских политиков практически не находили общего языка. В декабре 1906 года представители степных областей собрались в Уральске и объявили о создании казахской национальной партии "Алаш-Орда". Они заявили себя как представители всего казахского народа. Но на юге идее общекзахской солидарности явно предпочитали идею общетуркестанского объединения. Когда знакомишься с тем, чего хотели те и эти, понимаешь, что идейной базы для консенсуса у них не было. Лидеры северных и западных казахов исходили из общности интересов и исторической судьбы всех трех жузов. Лидеры южных казахов вплоть до 20-х г.г. лелеяли мечту заявить себя объединителями и вождями туркестанских народов.

5-13 декабря 1917 года в Оренбурге состоялся общекзахский конгресс, который должен был объявить об объединении всего казахского народа в одно автономное образование. Несмотря на то, что там присутствовали делегаты не только из степных (Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской) областей, но и также от Семиреченской, Сырдарьинской и Самаркандской областей Туркестана и даже от Алтайской губернии, учредить автономию тогда не удалось. Все присутствующие сошлись во мнении, что такое автономное образование должно состоять из бывшего Степного края с вышеназванными четырьмя областями, казахских уездов Транскаспия и из тех туркестанских областей, где казахи составляют большинство. Проблема возникла из-за того, что было непонятно: что делать, если население туркестанских областей не согласится инкорпорироваться в эту автономию. Ряд делегатов стояли за немедленное объявление автономии. Они говорили, что объединение Степного края и туркестанских областей может быть осуществлено и после создания правительства Алаш-Орды. Таких было меньшинство. Большинство же считало, что прежде все-таки надо заручиться согласием южан. Объявление нового Казахского правительства во главе с А.Букейхановым было отложено на месяц, и за этот срок предполагалось провести переговоры с туркестанскими автономистами...

Таким образом, учреждение самими представителями всего казахского населения единой казахской автономии на общекзахском Курултае так и не состоялось никогда. Возникшая несколькими годами позже Казахская республика создавалась под контролем и руководством большевистского руководства из Москвы. А Республика Казахстан стала независимым государством всего лишь по факту распада СССР в декабре 1991 года. По сути, ее тут никто и не собирался объявлять. Она не вызрела изнутри, а возникла вследствие стечения сугубо внешних обстоятельств. Поэтому до сих пор не понятно, что это за государство.

Почему в декабре 1917 года общекзахский конгресс так и не пошел на объявление автономии? Потому что люди прекрасно знали общественно-государственные традиции и не могли игнорировать их. Это был курултай. По правилам, идущим издревле, только он мог учредить объединительную государственную структуру, определить ее форму и руководство. Но для того, чтобы такие судьбоносные решения курултая могли иметь незыблемую силу на века, нужно было соблюсти все организационные требования. То есть добиться обеспечения самого широкого представительства и максимальной консенсусной базы. Чтобы потом уже никогда не было необходимости возвращаться к учредительским вопросам. Делегаты, собравшиеся тогда в Оренбурге от имени казахского народа, явно не были политиканствующими временщиками. Они были очень серьезными людьми, думающими на далекую перспективу. Хотя, конечно, в условиях калейдоскопической смены ситуации в революционную эпоху можно было бы, наверное, не пытаться соблюсти все требования...

Во главе Алаш-Орды стоял джучиды, а Туркестанской автономии в Ташкенте — южноказахские лидеры

Примечательно то, что бесспорный лидер Алаш-Орды и казахских автономистов А.Букейханов был чингизидом из джучидов. При этом он смотрел не назад, во времена безусловного почитания и возвеличивания чингизидов, а вперед. Его модель воссоздания казахского государства отражает

полное осознание автором своей большой исторической ответственности за судьбу народа, который вверил ее когда-то целиком и полностью джучидской ветви династии Чингис-хана и оставленным им законам. Немало было таких же чингизидов-джучидов среди его соратников по Алаш-Орде. Этот фактор был использован для внесения раскола в ряды последователей казахского единства как большевиками, так и туркестанскими автономистами из числа южных казахов. Они делали акцент на аристократическое происхождение большинства лидеров с тем, чтобы высветить в выгодном для своих целей свете классовый аспект. Зачем это нужно было большевикам – понятно. А вот почему лидеры туркестанских казахов смыкались с силами, пытавшимися подорвать начинания Алаш-Орды – никто до сих пор не берется объяснить. Избегание этого вопроса в прошлом объясняется тем, что в советское время алашевцы оставались вне закона как буржуазные националисты, и их делу симпатизировать было нельзя. А сейчас – тем, что политическая власть в Казахстане находится в руках южных казахов, и наводить тень на их лидеров начала XX века чревато.

Как бы то ни было, полноценно легитимная казахская автономия тогда не состоялась по причине неготовности Алаш-Орды принимать деление казахов на степных и туркестанских как историческую данность и из-за нежелания лидеров южан инкорпорироваться в заявленное ею общеказахское объединение.

Такое объединение состоялось позже, когда большевистская Москва в середине 20-х г.г. провела национально-государственное размежевание. Итак, вопреки неприятию такими южно-казахскими лидерами, как Т.Рыскулов идеи присоединения туркестанских казахов к Казахской АССР, она была реализована. Многие из таких людей занимали значительные посты в туркестанских структурах власти в Ташкенте, а передача их сородичей в ведение Казахстана как бы лишала их социальной базы. Казахская АССР была всего лишь автономией России, а Т.Рыскулов и его соратники добивались того, чтобы Туркестан стал равноправным с РСФСР образованием с соответствующими управленческими структурами. Но воссоздание туркестанской государственности под предводительством выходцев из южно-казахских племен и родов на исторической базе Чагатайского улуса не удалось. Не понравился этот проект большевикам. Видно, заподозрили они в этом какой-то подвох. Туркестанские казахские территории перешли в ведение Казахской АССР. Но целый ряд руководителей-казахов и после этого оставались в Ташкенте, переданном Узбекской ССР. Некоторые из них сыграли большую роль в пропаганде своих сородичей в пользу перехода в состав создававшейся тогда узбекской нации. В принципе, без деятельного участия лидирующих слоев южных казахов Узбекистан никак не мог бы стать республикой с таким огромным территориальным и людским потенциалом. Главного регионального соперника Казахстана на всю историческую перспективу создали в немалой степени южно-казахстанские родоплеменные группировки. Это – факт.

Если бы изначально не было сильнейшего сопротивления с их стороны идее общеказахского объединения, сейчас региональная политическая карта была бы совсем иная. Половину своих самых естественных, казалось бы, перспектив Казахстан потерял именно тогда. Но потерял не случайно. Это были издержки исторической разделенности Казахстана на Джучиев и Чагатайский улусы. Кому-то, наверное, кажется, что все это осталось в прошлом. Но именно сейчас политические события в Казахстане вновь входят в полосу аналогичной (с поправками на нынешнюю реальность) ситуации. Но условия, благоприятствующие такому варианту развития событий, возникли не сейчас. Они вызревали давно. Вот посудите сами.

В Казахской АССР на момент инкорпорации в нее туркестанских областей руководящий состав в подавляющем большинстве состоял из северных и западных казахов. Те южные казахи, которые до этого были ответственными работниками в Ташкенте, предпочли переезду в Казахстан службу Узбекистану или перевелись в Москву. Со временем в Ташкенте руководители из казахов-степняков были вытеснены выходцами из коренного оседлого населения, которое в новых условиях уже явно не собиралось соглашаться на хождение под властью сильных людей из степных кланов. То есть там стала складываться совсем иная, чем в прошлые века, социально-политическая ситуация. И в ней самодостаточным деятелям из степных выходцев места не было. Надо было растворяться в узбекской среде или отправляться искать удачи в Казахстане.